

УДК 821.111

Поэтика прозы Роберта Грейвза

Бондаренко Марина Игоревна

Кандидат филологических наук,
доцент,

кафедра литературы,

Государственный социально-гуманитарный университет,
140414, Российская Федерация, Коломна, ул. Зеленая, 30;

e-mail: bond0713@rambler.ru;

Аннотация

В статье рассматриваются особенности поэтики прозы Роберта Грейвза. Исходной точкой для большинства романов автора является «историческая грамматика языка поэтического мифа», как он определял «Белую Богиню». Акцентируются истоки формирования мономифа, созданного Грейвзом, среди которых можно выделить и влияние антропологов (Д. Фрезера) и личный опыт Грейвза в отношениях (внутри его семьи, с женщинами). Миф о Богине определяет основные темы прозы писателя. Тема смерти рассматривается и как часть жертвенного ритуала в честь богини, и как рефлексия личной ситуации Грейвза, объявленного убитым в Первой Мировой войне. Жанровая природа прозы писателя неоднородна. Большинство его романов условно можно определить как исторические. В исторической прозе Грейвз выделяет в качестве основного прием реконструкции, давая собственную версию событий. В исторических романах автор использует категорию маски, создавая образ «костюмированного» рассказчика.

Для цитирования в научных исследованиях

Бондаренко М.И. Поэтика прозы Роберта Грейвза // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 6А. С. 432-438.

Ключевые слова

Роберт Грейвз, поэтика, Белая Богиня, мономиф, историческая проза, образ жертвы, тема смерти и воскресения.

Введение

Английский автор XX века, Роберт Ранке Грейвз (1895-1985), является создателем различных по своей жанровой природе и содержанию текстов. Для соотечественников Грейвза, пожалуй, наиболее ценным представлялось его поэтическое наследие. Так, на смерть Грейвза лондонская «Таймс» откликнулась некрологом: «Он запомнится своими достижениями, прежде всего, как мастер прозы, исторический романист и автор мемуаров, но более всего как великий после Донна поэт любви» [Dictionary of literary biography. V. 191. British novelists between the wars. V.100, 1998, 119].

Для русского читателя имя Грейвза до сих пор остается малоизвестным. Да и отечественные переводчики проявляют интерес больше к прозаическим работам писателя. В Екатеринбурге в издательстве «У-Фактория» были опубликованы основные нехудожественные тексты автора: «Мифы Древней Греции», «Иудейские мифы», «Белая Богиня», «Мамона и Черная богиня». Издательство «Терра» в конце 90х гг. XX века выпустило пятитомник Грейвза, куда вошли историческая диалогия об императоре Клавдии, романы «Жена господина Мильтона», «Золотое руно», «Князь Велизарий» и небольшая подборка стихотворений. Примерно в то же время был издан роман «Царь Иисус». При этом количество прозаических работ Грейвза составляет около 30 произведений, значительная часть которых представлена жанром романа.

К прозе Р. Грейвза с трудом применимы категории отечественного литературоведения, хотя и западные исследователи часто не могут найти адекватных дефиниций некоторым текстам писателя, определить их жанровую природу. Следует отметить, что, несмотря на незначительный интерес российских филологов к Грейвзу, в целом можно выделить достаточное количество серьезных зарубежных исследовательских работ, преимущественно монографического характера, посвященных анализу творчества этого автора. Если говорить о литературоведческих (не биографических) изысканиях, то своеобразной точной отсчета в изучении творчества Р. Грейвза была статья Дж. Штайнера (G. Steiner) «Гений Роберта Грейвза», опубликованная в № 22 «Kenyon Review» (1960).

Однако основные биографические данные Роберта Грейвза, а возможно, и ключ к пониманию наиболее значимых для его творчества тем изложил в своем исследовании Мартин Сеймур-Смит. Это, пожалуй, самая полная биография писателя. Сеймур-Смит не ограничивается перечислением фактов семейной истории Грейвзов: он воссоздает и историко-литературный контекст эпохи, «ознаменовавшийся» появлением на свет в Уимблдоне в 1895 году Роберта Грейвза. «Итак, в год его рождения ситуация в английской поэзии была подходящей. Трое викторианских гигантов (Теннисон, Браунинг, Арнольд) вскоре умерли. Это была ситуация, которую Грейвз должен был помочь исправить» [Seymour-Smith, 2-3].

Именно Сеймур-Смит первым отметил весьма любопытное противоречие в натуре Роберта Грейвза. Тот часто цитировал своего прадеда, немецкого историка Леопольда фон Ранке: «Я историк прежде чем христианин». Благодаря этому высказыванию, Грейвз, как полагает Сеймур-Смит, «решил, что фон Ранке считают факты более важными, нежели веру» [Seymour-Smith, 5]. Данную особенность Грейвза фиксирует и литературовед Рэндал Джаррелл, отмечая, что в свою автобиографию Грейвз «включил несколько изречений своей матери, чтобы подчеркнуть, насколько, как поэт, он ближе фон Ранке, а не Грейвзам. Фон Ранке, конечно, был наиболее привлекательной стороной Грейвза» [Jarrell, 1975, 79]. Хотя накануне первой мировой войны, когда Роберт Грейвз еще только заканчивал школу, у него возникали проблемы с

одноклассниками именно из-за его второй, немецкой, крови. Его считали немецким евреем, Грейвз же постоянно доказывал свое ирландское происхождение.

Общее разделение прозы Грейвза может быть условно обозначено двумя группами текстов: художественными и нехудожественными. К первой относятся романы, немногочисленные повести и рассказы. Англоязычные литературоведы предлагают термин «story» для таких произведений в целом. Ко второй группе следует отнести тексты, представляющие собой суммарное изложение писателем его универсальных концепций. В данном случае может быть использован термин «statement» или «expository prose», объясняющая проза. Подобное деление несколько условно, поскольку большинство художественных текстов писателя связаны с его фундаментальной работой по сравнительной грамматике мифологии «Белая Богиня» (1948). Д. Смедс справедливо полагает, что «миф, который создает Грейвз для себя, влияет на все, что он пишет и делает» [Smeds, 1997, 14]. Исследователь Сидни Масгроув тоже убежден в определяющем влиянии мифа на все созданное писателем. «Ее образ доминирует во всем, что написано Грейвзом с 1948» [Musgrove, 1962, 3]. Картер рассматривает «Белую Богиню» как «Ключ ко всем мифологиям» [Carter, 1989, 206]. Д. Хофман видит в содержании «Белой Богини» соединение личных изысканий Грейвза и опыта предшественников-мифологов и антропологов. «Или он нашел в мифах способ «универсализировать» свои собственные параноидальные видения?» [Hoffman, 1967, 147]

Генезис «Белой Богини» Роберта Грейвза

Одним из наиболее важных вопросов в изучении «Белой Богини» является вопрос генеалогии данной теории. С одной стороны, в тезисах этого мифа воплотились многолетние штудии Грейвза в области компаративной мифологии, изучение им викторианской антропологии и работ ее основателя Джеймса Фрезера. Действительно, влияние фрезеровской «Золотой ветви» на «Белую Богиню» Грейвза представляется несомненным. С другой стороны, есть основания соотносить образ жестокой и властной богини с представлением Грейвза о женщине как таковой. На концепцию богини, очевидно, повлиял образ матери Грейвза Амалии фон Ранке. Примечательно, что в автобиографии Грейвз, говоря о семье, чаще упоминает именно ее. Фигура отца, Альфреда Персиваля, замещена в сознании Грейвза образом матери, которая и была истинной главой семьи.

Первая жена писателя, Нэнси Николсон, была феминисткой, натурой очень независимой. Как писал Мартин Сеймур-Смит, биограф Грейвза, «он вообразил, что любил ее за ее чистоту, которая вдохновляла в те дни, и потому что она отказалась от христианской религии из-за абсурдности того, что Бог был представлен как мужчина. Этот взгляд на религию привлекал Грейвза, так как он никогда ни от кого не слышал подтверждения своих предположений о превосходстве женского начала. Шумные протесты Нэнси против мужчин, по сути, были протестом против ее отца – известного художника – гораздо более талантливого, чем она. Ее неудовлетворенная натура и пристрастие к критике были тем, что Грейвз подсознательно искал» [Seymur-Smith, 1982, 61].

Постепенно отношения с Нэнси ухудшались, и в жизни Грейвза появилась Лора Райдинг. Эта женщина становится его музой, соавтором, возлюбленной, самой судьбой. Ее образ во многом определил концепцию Богини, но, как замечает Смит, «Белая Богиня» - не просто «усовершенствование Райдинг», как часто книгу называют. [Seymour-Smith, 1982, 94] Роберт Картер также считает, что не только роман с Райдинг и разрыв их отношений определили в

сознании Грейвза облик Богини, выделяя несколько причин появления мономифа в творчестве Грейвза. «Различные объяснения были предложены необычной и сильной веры Грейвза в Белую Богиню, обозначая ее как, например, сублимацию его отношений с Лорой Райдинг, неприятие им патриархального протестантизма, результат пристрастия к матери, протест против мужского обращения с женщиной на протяжении веков, литературную зависимость от прерафаэлитов, гигантский ирландский розыгрыш» [Carter, 1989, 7-8].

Поэтика прозы Р. Грейвза

С образом Богини связана у Грейвза идея первичности женского начала. В своих мифологических исследованиях он рассматривает изначальное устройство мира как матриархальную структуру. Литературная проза также не избежала влияния данной идеи. Так, в романе «Царь Иисус» ключевым становится не образ героя, а образ богини, антагонистом которой выступает Иисус. На уровне мифологического повествования в романе утверждается мысль о неизбежности поражения Христа. Его ошибкой, по Грейвзу, было стремление разрушить власть женщины. Автор соединяет в контексте романа библейскую историю Христа, миф об убийстве Царя Прибывающего года и культ Тройственной Богини. Причина смерти Иисуса рассматривается исключительно в плане развития Темы. «Великая поэтическая Тема: жизнь, смерть и возрождение Духа Года, сына и возлюбленного Богини» [Грейвз. Белая Богиня, 2007, 543]. Христос был обречен, по логике Грейвза, ибо «отверг Тему своей неколебимой верностью единственному тогдашнему Богу, который отказался от всех связей с богинями, и своим объявлением войны Женщине» [Грейвз. Белая Богиня, 2007, 544].

Непосредственную связь с философией мифа, изложенного в «Белой Богине», обнаруживают и другие романы писателя. В романе «Семь дней на Новом Крите» воссоздан утопический мир, где управляет сословие магов, которые, в свою очередь, подчиняются женщине-Богине. В романе «Золотое руно» Грейвз подчеркивает изначальную матриархальную структуру греческой цивилизации, которая, отказавшись от нее в пользу патриархата, совершила ошибку. Даже в исторической диалогии об императоре Клавдии («Я, Клавдий», «Божественный Клавдий») Виккери обнаруживает непосредственную связь с мифом о Богине. «Хотя Грейвз еще не развивает теорию Богини, его герой Клавдий привержен культу Кибелы, почитаемой оргиастической фригийской богини плодородия, как основу сравнительного изучения религий от зарождения до практического следования обрядам. В «Божественном Клавдии» появляется триединая богиня, ее сакральный супруг – древний лунный год, и соответственно присущая книге логика» [Vickery, 1972, 28].

В романах писателя, связанных с концепцией Белой Богини, часто звучит мотив смерти, соотносимый с принесенной жертвой Богине. Это обусловлено характером определяемой автором Темы – смерти царя года. В романе «Семь дней на Новом Крите» история смерти и воскрешения отнесена к ежегодным ритуалам в честь Богини. Главной традицией Крита является представление, изображающее убийство короля. В королевском Доме Игр Венн-Томас (герой, попавший на Новый Крит) присутствует на ритуальном балете, где разыгрывается ежегодно совершающаяся драма. Ее сюжет Грейвз описал в «Белой Богине»: «...это древняя история в тринадцати частях с эпилогом о рождении, жизни, смерти и воскресении Бога Прибывающего Года, где главное место уделено его поражению в битве с Богом Убывающего Года, в которую он вступил за любовь непостоянной и всевластной Триединой Богини, их матери, жены и убийцы. Поэт идентифицирует себя с Богом Прибывающего Года, а свою музу –

с Богиней» [Грейвз. Белая Богиня, 2007, 26]. Примечательно, что в календаре критянок, которые упразднили время, тринадцать месяцев. То есть, устройство новокритской утопии у Грейвза является своеобразной иллюстрацией к тезисам «Белой Богини» » [Бондаренко, 2013, 71-76].

Однако обращение писателя к теме смерти имеет и еще одну причину, обусловленную его военным опытом. Смерть и воскресение героя одна из повторяющихся у Грейвза тем не только в мифологическом контексте; она связана и с рефлексией Первой Мировой войны и с собственной ситуацией. В автобиографии “Goodbye to all that” Грейвз рассказывает, что за 2 дня до его 21 дня рождения его мать получила письмо с сообщением о смертельном ранении, полученном Робертом Грейвзом возле деревушки Базентин во Франции. Обыденно, очень подробно военные впечатления Грейвза воссозданы в автобиографии, которая этой своей частью вполне может быть сопоставима с литературой «потерянного поколения». Грейвз переживает острое разочарование во всем: и в людях, и в религии. Его конфликт с верой, который позднее приведет к созданию собственной религии, основанной на культе Богини, начнется в окопах, из-за равнодушия людей к чужим смертям. Позже, в «Автобиографии Ваала» Грейвз вновь вернется к этим размышлениям. «Позвольте объяснить простым примером простую драматическую ситуацию. Солдат, прихожанин одной из моих хорошо известных церквей, умирает в госпитальной палате. Он был смертельно ранен прихожанином другой моей известной церкви (или той самой): кровавая война должным образом ведется во имя меня с обеих сторон. (Позже я остановлюсь на этом парадоксе). Он стонет, кричит и вопрошает «почему?». Мой уполномоченный представитель, священник, спешит к его постели и отвечает: «На то воля Божья», имея в виду моя» [Graves. Autobiography Baal, 1931, 201]. Но в целом тема смерти сформируется в творчестве Грейвза именно как соединение ритуальной жертвы (из мифологических представлений) и гибели человека на войне (из личного опыта). Эту особенность соединения на уровне антитезы столь противоречивых явлений отметит Мехоук. «На взгляд Грейвза, смерть на войне рассматривалась как истинная перспектива (как в случае с Осирисом) дальнейшего возрождения. Также, древние ритуалы в честь Богини, в которых жизнь покупалась только жизнью, очаровывали Грейвза своей непохожестью на войну» [Mehokey, 1975, 38].

Заключение

Большинство романов писателя (при всей условности их жанровых характеристик) можно отнести к историческим. Для романов Грейвза характерен метод так называемой реконструкции. Писатель предлагает собственную версию, как правило, известных событий. В романе «Дочь Гомера» Грейвз предлагает свою версию решения гомеровского вопроса. Текст построен как повествование от лица Навсикаи, которую Грейвз и считает подлинным автором «Одиссеи». В романе «Жена господина Мильтона» Грейвз выбирает дневниковую форму повествования, давая характеристику личности Мильтона и эпохи от имени первой жены поэта Мари Пауэлл. Образ «костюмированного» рассказчика появляется и в романах «Царь Иисус» и князь Велизарий. Грейвз как автор всегда сохраняет дистанцию между собой и повествователем, который выполняет функцию собирателя фактов и интерпретирует их подчеркнуто отстраненно. Эта отстраненность достигается за счет создания особой маски рассказчика. С одной стороны, он находится в одном пространстве с изображаемым, с другой, - на сюжетном уровне подчеркивается конфликт интересов. Так, в романе о Клавдии объективная дистанция между авторским сознанием и сознанием рассказчика основана, во-первых, на ограниченной

умственной способности Клавдия, во-вторых, обусловлена его отторжением имперского Рима и желанием вернуть республику. В «Царе Иисусе» повествователь Агав иронично именуется христианами простодушными, подразумевая изначальную ошибочность их верований в Бога-Отца, а не в Богиню. В «Жене господина Мильтона» Мари Пауэлл любит не своего мужа, Джона Мильтона, а другого, и по отношению к Мильтону полна иронии и презрения.

Таким образом, можно отметить жанровую неоднородность романов Грейвза, влияние на их поэтику мономифа о Богине, обращение писателя к теме смерти и создание особого нарратора, чей образ часто связан с использованием категории маски.

Библиография

1. Грейвз Р. Белая Богиня. Екатеринбург, 2007. 656 с.
2. Бондаренко М. И. Жанровое своеобразие романа Р. Грейвза «Семь дней на Новом Крите» // «Филология и культура». Журнал ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет, № 2(32), 2013. С. 71-76.
3. Carter J. Robert Graves: The lasting poetic achievement. Totowa (N.J.), 1989. 285 p.
4. Graves R. Autobiography Baal. // Graves R. But it still goes on. New York, 1931. 320 p. P. 170-203.
5. Hoffman D. Barbarous knowledge. Myth in the poetry of Graves. Muir. Oxford, 1967. – 266 p.
6. Jarrell R. The third book of criticism. London, 1975. 334 p.
7. Musgrove S. The ancestry of “The white goddess”. University of Auckland. Bulletin № 62, English series № 11, 1962. 36 p.
8. Mehoke J. R. Graves: Peace – weaver. Mouton, 1975. 168p.
9. Seymour-Smith M. Robert Graves. His life and work. London: Acabus, 1982. 623 p.
10. Smeds J. Statement and story: Robert Graves’s myth-making. Abo: Akademy University Press, 1997. 342 p.
11. Vickery J. “Robert Graves and the White Goddess”. Lincoln: Univ.of Nebraska press. 1972. 140 p.

The poetic of Robert Graves’s prose

Marina I. Bondarenko

PhD in Philology,
Associate Professor,
Department of literature,
State University of Social Sciences and Humanities,
140414, 30, Zelenaya st., Kolomna, Russian Federation;
e-mail: bond0713@rambler.ru

Abstract

This article discusses the poetic of Robert Graves’s prose. Almost of his texts deals with the theme and categories of the “historical grammar of myth”, as Graves called “White Goddess”. So the main aspect of studying his activity and prose texts is concern with analysis the genesis of this theory. Not only rituals and mythological conceptions (especially by the Victorian anthropologist James Frazer and his “The Golden bough”) determinates its theme, but personal experience of Graves’s life, including military practice during the First World War and his relationships with first wife Nancy Nicolson and the main woman in his life – Laura Raiding. Moreover the theme of death and revival is mostly typological in his activity. And it determines the plots of many novels of

---

Graves. The genre nature of his novels is hard to classify. Nevertheless most of his novels Graves himself defines as historical prose. Author uses the category of mask and creates special type of narrator, “costumed narrator”.

For citation

Bondarenko M.I. (2017) Poetika prozy Roberta Greyvza [The poetic of Robert Graves’s prose]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 432-438.

Keywords

Graves, “White Goddess”, poetic, myth, death and revival, historical prose.

References

1. Greivs R. *Belaya Boginya*. Ekaterinburg, 2007, 656.
2. Bondarenko M. Zhanrovoye svoebraziye romana Greivza “Sem dney na Novom Krite”// *Philologiya i kultura. Zhurnal Kazanskogo federalnogo universiteta*. № 2 (32), 2013. S. 71-76.
3. Carter J. *Robert Graves : The lasting poetic achievement*. Totowa (N.J.), 1989. 285 p.
4. Graves R. *Autobiography Baal*. // *Graves R. But it still goes on*. New York, 1931. 320 p. P. 170-203.
5. Hoffman D. *Barbarous knowledge. Myth in the poetry of Graves*. Muir. Oxford, 1967. – 266 p.
6. Jarrell R. *The third book of criticism*. London, 1975. 334 p.
7. Musgrove S. The ancestry of “The white goddess”. University of Auckland. Bulletin № 62, English series № 11, 1962. 36 p.
8. Mehoke J. R. *Graves: Peace – weaver*. Mouton, 1975. 168p.
9. Seymour-Smith M. *Robert Graves. His life and work*. London: Acabus, 1982. 623 p.
10. Smeds J. *Statement and story: Robert Graves’s myth-making*. Abo: Akademy University Press, 1997. 342 p.
11. Vickery J. “Robert Graves and the White Goddess”. Lincoln: Univ.of Nebraska press. 1972. 140 p.